

ПРЕДИСЛОВИЕ

Сейчас, как мне кажется, действительно наметилась общая тенденция к тому, что всё должно быть платным – образование, здравоохранение, дороги... Об этом не говорится с высоких трибун, но практически эти идеи проводятся в жизнь.

Причём всё движется каким-то странным образом. У нас, например, опять растёт импорт предметов первой необходимости – продовольственных товаров и ширпотреба. Мы завысили курс своего рубля, повторяем те же ошибки, которые привели к обвалу в 1998 году. Инфляция за последние семь-восемь лет выросла где-то на 70–80 процентов, а курс доллара при этом мало изменился, хотя рубль стал менее покупательспособным. Вместо того чтобы развивать своё производство, мы вынуждены импортировать товары за счёт нефти и газа.

США доллар искусственно опускают, потому что у них есть программа Б. Обамы по выходу из кризиса. Они понимают, что надо финансировать, прежде всего, науку, а у нас сейчас на науку выделяется совсем мало средств по сравнению с ведущими западными державами. Американцы же ради этого проводят эмиссию – печатают доллары. У нас же какой принцип? Если мы хотим кому-то добавить, значит, должны у кого-то отобрать. Если пенсионерам прибавляем пенсию, то тут же повышаем тарифы на электроэнергию, природный газ, квартплату и так далее.

Провозглашённый курс на модернизацию довольно странно сочетается с отношением к научным исследованиям. Как известно, весь наш академический бюджет равен бюджету среднего американского университета. Что касается сколковских идей, то они кажутся очень привлекательными, но непонятно, почему те же десятки миллиардов, которые пошли в Сколково, не могли пойти на развитие тех центров, которые у нас уже существуют давно? Речь идет о Дубне, Новосибирском академическом центре, Троицке и других точках, где уже давно развивается наша наука.

Я знаю Силиконовую долину в США, побывал там ещё в 1989 году, задолго до того, как её посетил наш президент. У них основной принцип заключается в том, что учёный является собственником своих разработок. Калифорнийские университеты, расположенные в Силиконовой долине, создали такую схему, по которой научные центры сдают учёным лабораторное оборудование как бы в аренду. И тот, кто изобрёл что-то, имеет право распоряжаться этой интеллектуальной собственностью. Эта система, при которой учёный является владельцем интеллектуальной собственности, очень важна. У нас же в законе этого нет, и мне кажется, что наши руководители не понимают, что право интеллектуальной собственности – это самое главное право для изобретателя.

Я не знаю, как будет осуществляться сколковская идея, пока об этом ничего не говорят. Говорят о том, что там будут какие-то преференции для учёных, приезжающих с Запада, какие-то льготы по таможенным тарифам, но никто не говорит об интеллектуальной собственности – чьей она будет? Потому что если она опять будет ничья, то люди станут просто уезжать. Как уехали наши нобелевские лауреаты нынешнего года. В России эти учёные свои идеи не могли реализовать. Чтобы осуществить задуманное, им пришлось уехать. Это ужасное положение для наших учёных, потому что если у меня есть новые идеи, а я не их собственник, значит, я должен эмигрировать, чтобы там их использовать.

Повторяю: если я собственник своих идей и открытий, то могу получить кредит на то, чтобы эту разработку внедрить, могу привлечь менеджеров, чтобы раскрутить свою идею. При этом некоторые идеи гибнут, другие, наоборот, становятся важны и несут пользу. Конечно, тут есть риск, но только данный путь может действительно превратить нас в конкурентоспособную высокотехнологическую державу.

Пока не очень понятно, что будет происходить с нашей экономикой дальше. Потому что ориентация на некую инвестиционную составляющую, конкретно не сформулированную, пока не дала никаких результатов. Все национальные проекты, которые мы замыслили, остались нереализованными. Пока я не вижу резкого расширения инвестиций и в тех отраслях, которые вроде бы хотели и обещали развивать, – самолётостроение, судостроение и так далее. А что касается высокотехнологичных отраслей... Намерения развивать их прекрасны, но пока непонятно, каким образом это будет делаться... Это первый момент.

Второй момент. Не очень понятно, что же такое провозглашённая и пропагандируемая модернизация. Мы слышим разные лозунги, но что за ними конкретно? То ли мы своими усилиями будем развивать высокие технологии или же мы просто станем перенимать западные образцы, скупать их и внедрять в наше народное хозяйство? Неведомо.

Скажем, развитие автомобильной промышленности. До сих пор мы приобретали западные технологии, и сегодня мы практически становимся «отвёрточным» производством. То есть мы строим заводы, которые собирают западные автомобили, но мы не получаем полной технологической цепочки. Вспомним, что произошло с «Опелем», когда мы пытались закупить полный цикл технологий. Запад нам отказал. Сейчас мы пытаемся закупить военные корабли во Франции, при этом не развиваем собственное судостроение как отдельную отрасль, которая у нас развивалась довольно быстро и успешно.

Увы, пока не наблюдается серьёзных сдвигов в сторону инновационного развития. Мы всё равно остаёмся сырьевой державой, которая обеспечивает поставки энергоносителей на Запад. Как нам Запад определил место в мировой экономике – поставка сырьевых ресурсов, – так всё и остаётся. «Газпром» и

нефтяные компании, цветная и чёрная металлургия – все наши козыри на предстоящие годы. То есть, нет пока никаких позитивных сдвигов в области высоких технологий или использования нашего народного хозяйства для интенсификации нашей экономики. Как в такой ситуации смотреть на ближайшее будущее?

Россия – страна с огромным природным и ещё оставшимся интеллектуальным потенциалом. Уникальная страна, каких в мире очень мало. Есть страны с высокими технологиями, но не имеющие никаких природных ресурсов, как, скажем, Япония, Южная Корея. Европа тоже без природных ресурсов. С другой стороны, страны Аравийского полуострова имеют огромные природные ресурсы, но там очень низкий интеллектуальный потенциал. У нас это соединено вместе. Такие страны, может быть, на пальцах одной руки можно пересчитать – Россия, США, Канада... И конечно, мы можем развиваться очень интенсивно, но...

Почему мы гоним кругляк в Финляндию и покупаем там бумагу, фанеру и различные строительные материалы, включая вагонку? То же самое у нас происходит с нефтью – гоним нефть в Польшу, а из Польши везём стиральные порошки. Почему мы не можем создать свою переработку? Почему металлурги гонят так называемые чушки, но не делают свой прокат сложного профиля? А на Западе эти чушки снова расплавляют, изготавливают кузова для автомобилей и потом продают нам готовые автомобили втридорога. Почему? Согласны ли мы на то, чтобы всегда было так? Давайте ответим на эти вопросы.

*Николай Яковлевич Петраков,
академик РАН, директор
Института проблем рынка РАН*